

АЗБУКА-ФЭНТЕЗИ

КНИГИ ГЕНРИ ЛАЙОНА ОЛДИ:

ЦИКЛОП. Книга I. Чудовища были добры ко мне

ЦИКЛОП. Книга II. Король Камней

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга I. Волчонок

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга II. Волк

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга III. Вожак

КРЕПОСТЬ ДУШИ МОЕЙ (вместе с А. Валентиновым)

ШЕРЛОК ХОЛМС ПРОТИВ МАРСИАН

ПУТЬ МЕЧА

ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН

МЕССИЯ ОЧИЩАЕТ ДИСК

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга I. Клинки Ойкумены

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга II. Призраки Ойкумены

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга III. Ангелы Ойкумены

МАГ В ЗАКОНЕ

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО ХЕНИНГА

СИЛЬНЫЕ. Книга I. Пленник железной горы

СИЛЬНЫЕ. Книга II. Черное сердце

СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ

БЕЗДНА ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

БЫК ИЗ МАШИНЫ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга 1. Отщепенец

КАБИРСКИЙ ЦИКЛ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга 2. Беглец

ЧЕРНЫЙ БАЛАМУТ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга 3. Сын Ветра

ОЙКУМЕНА: Кукольник. Куколка. Кукольных дел мастер

НЮАНСЕРЫ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

НЮАНСЕРЫ

Вольная фантазія

Санкт-Петербург

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445
О 53

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрации Александра Семякина

Иллюстрация на обложке Евгения Деко

- © Г. Л. Олди, 2019
- © А. В. Семякин, иллюстрации, 2019
- © Евгений Деко, иллюстрация на обложке,
2019
- © Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16813-8

Подробности — главное,
подробности — Бог.

И. В. Гёте

Дьявол прячется в мелочах.

Поговорка

Всѣ персонажи являются вымышленными.

*Любое совпадение съ реально живущими
или жившими людьми случайно.*

*То же касается упомянутыхъ периодовъ времени,
топонимовъ и предметовъ домашняго обихода.*

Книга написана на собственныя фантазіи авторов.

Не содержитъ богохульствій.

Одобрена цензурой.

Действующие лица (живые и усопшие)

Заикина Елизавета Петровна, гадалка, в прошлом актриса.

Лаврик Иосиф Кондратьевич, ее правнук, служащий банка.

Лелюк Неонила Прокофьевна, вдова, приживалка.

Лелюк Анна Ивановна, ее дочь.

Алексеев Константин Сергеевич, фабрикант, актер-любитель.

Алексеев Георгий Сергеевич, его младший брат.

Суходольский Михаил Хрисанфович, он же Миша Клётс, грабитель и убийца.

Ваграмян Ашот Каренович, сапожник.

Кантор Лейба Берлович, без определенного рода занятий.

Радченко Любовь Павловна, костюмерша в театре.

Костя Филин

Ёкарь

Гамаюн

Лютый

} Воры и бандиты.

Янсон Александр Рафаилович, нотариус.

Граф Капнист, предводитель губернского дворянства.

Никифоровна, старуха.

Никифор, могильщик.

Вознесенская Ольга, вдова.

Никита, ее сын.

Черкасский Семен, извозчик.

Попутчики, городовые, мещане, водяные, карлы, носильщики, дворники, общительные мертвецы, ямщики, преступный элемент, портье, кассиры, фавны, официанты, пьяницы, феи, купеческие дочери, призраки, театральные деятели, фельдшеры, обитатели воспоминаний и др.

Пролог

— Да ты что, матушка! Не умирай!

— Благодетельница!

— Живи сто лет!

— Цыц, кликуши! — рассердилась Заикина. — Не сегодня помру, небось. Чего раскудахтались? А как придет срок, так кричи не кричи, ничего не изменится. «Живи сто ле-е-ет!»

Она так ловко передразнила приживалок, что те рты пораскрывали. С недавних пор Заикина актерствовала мало — и в театре, куда ее, случалось, звали на роли комических старух, и дома, в охотку, под бодрое настроение, которое приходило к Елизавете Петровне все реже и реже. Приживалки уже и не помнили, когда такое случилось в последний раз.

— И сколько мне, по-вашему, куриному, до ста осталось? Три завтрака да пять обедов?!

— Матушка!

— Что ж ты себя заживо хоронишь?

— Хоронить не хороню, — рассудительно произнесла Заикина, беря третий кусочек колотого сахару и обмакивая его в крепчайший, кирпичного цвета чай. Родилась сладкоежкой, говаривала она любопытствующим, сладкоежкой и к Богу на поклон отправлюсь. — А подготовиться к этому делу каждому на пользу. Одни деньги копят, чтобы родственников в расходы не вводить.

Другие грехи замаливают, обеляют душу перед кончиной. Храмам жертвуют, нищих привечают. Вот и я готовлюсь как умею. Оську только жалко, пропадет без меня. Оську жалко, Осеньку...

Приживалки как по команде вытянули шеи. Заикина расположилась за столом вольготно, по-хозяйски, приживалки сели напротив, плечом к плечу, вжавшись друг в друга, на краешках стульев. Стол без труда принял бы еще человек десять, вздумай те почаевничать на сон грядущий, но казалось, что приживалок из милосердия пустили в большую шумную компанию, выделив на двоих места с полмизинчика.

— Осеньку? — изумилась старшая. Шмыгнула носом, выпучила глаза. — Да чего же его жалеть, Иосифа Кондратьевича? Мужчина молодой, видный, в банке кассиром служит. Чай, ни в какой каше не пропадет, ни в пшенной, ни в гречневой. Не с чего ему пропадать. Вот женится, возьмет за себя девку красивую, с приданым. Детишек настрогает, пойдут у вас праправнуки...

— Не доживу, — отрезала Заикина.

Высокая, статная, сильно располневшая после шестидесяти, она носила свой вес, как и годы, легко, с горделивой осанкой царицы. После шестидесяти? Боже, как давно это было! Уже и не вспомнить...

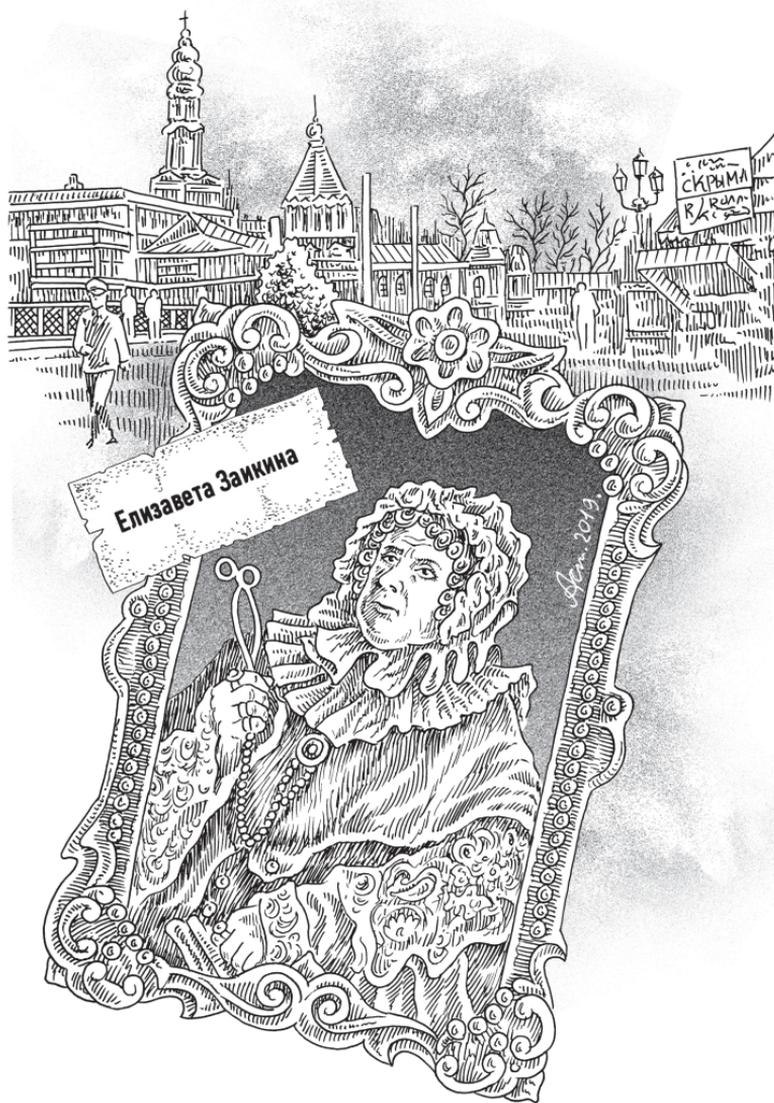
— Матушка! Живи!

— Пей чай и помалкивай! — укоротила Заикина старшую приживалку. Младшая и без того молчала, прикусив нижнюю губу. — Не твоего ума дело! Если говорю, что Осеньку жалко, значит цыц! Молчи и жалеи, поняла?

Приживалки мелко закивали.

— Чай, — угодливо согласилась старшая. — Пьем и помалкиваем, матушка.

— Осеньку ей жалко! — Заикина все не могла успокоиться. — Мне, что ли, не жалко?

— И сколько мне, по-вашему, куриному, до ста осталось?
Три завтрака да пять обедов?!

Она уже и забыла, что жалко правнука было ей, а во-все не приживалке. Приживалка, напротив, утверждала, что Иосифа Кондратьевича жалеть не с чего, но кого это сейчас интересовало?

— Осеньку жалко, себя жалко, а сервиза жальче всех. Чашки, блюдца, сахарница... Побьете, небось, без меня! Вот говори: побьете, а? Правду говори!

— Не побьем, матушка!

— Ан побьете!

— Пуще глаза беречь станем!

— Пуще глаза, — прошептала младшая, бледная как мел. Шепот был для нее, молчуньи, подвигом. — Христом Богом клянусь, пуще.

— Не клянись! — без злобы, для порядку велела Заикина. — Ибо сказал Господь: «Не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий...»

Голос ее окреп, утратил старческую хрипотцу.

— «...ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя...»

Приживалки захлопали в ладоши. Знали, мерзавки, что хозяйке по душе.

— «...ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным!»

— Браво, матушка!

— Браво!

— Актерка, как есть актерка! Наипервейшая!

— Актриса, — поправила Заикина, отдуваясь. — А сервиз все едино побьете, заразы.

Чайный сервиз на девять персон был гордостью Заикиной. Приживалкам не возбранялось пить из тонких, воздушных, украшенных бледно-сиреневой росписью чашечек, им даже разрешалось брать колотый сахар из пузатой сахарницы, но делать это следовало без торопливости, с почтением, бросая восхищенные взгляды на благодетельницу. Сервиз Заикиной подарил не кто иной, как заводчик Кузнецов. «Матвей Сидорович самолич-

но!» — говаривала Заикина, когда была в духе, и картинно всплескивала руками. Тридцать лет назад Кузнецов арендовал фаянсовую фабрику купца Никитина в селе Байрак, арендовал да и плюнул в сердцах: расходы на гужевой транспорт съедали доходы, что твой пес — колбасные обрезки. Шло время, лихое убыточное время, и кто-то надоумил Кузнецова обратиться к Заикиной. Старуха раскинула карты — так, как умела во всей губернии только она, — и велела заводчику перебираться с хозяйством и работниками в иное село. Какое, спросил Кузнецов. Бúды, ответила Заикина. Бúды, что на реке Мерефе. Видишь трефового короля? Ну вот, а рядом с ним семерка бубен. Бúды, и хватит об этом. Сказать по правде, Кузнецов нисколько не понимал, зачем ему менять шило на мыло, но совета послушался. Выкупил Котляровскую винокурню, перенес производство в Бúды. А спустя два года через Бúды легла железнодорожная ветка, и с того момента Кузнецов на Заикину мало что не молился. И заплатил с лихвой, и бесплатным фаянсом снабжал исправно. Когда в позапрошлом году фабрика освоила фарфор — прислал сервиз с поклоном.

— Значит, так, любезные мои...

Заикина любовалась чашечкой истово, не отводя взгляда. Словно знала, что больше не увидит ни чашечку, ни сервиз, ни света белого. Лицо гадалки сделалось серьезным: дальше некуда. С таким лицом Клеопатру играть — вот корзинка, в корзинке аспид, и срок пришел класть змею на молодую грудь.

— Слушайте мою последнюю волю. Слушайте, запоминайте, исполняйте. Не исполните — из могилы вернуться. Зубами загрызу, кровь выпью. Вы меня знаете...

Приживалки знали. Слушали, запоминали.

— Ой, матушка, — захлебнулась старшая. — А с нами-то что будет?

— Исполните — все будет хорошо. Не обижу вас, пустомель.

— Ну да, ну да, — бормотала старшая. — Все хорошо, лучше лучшего.

Было слышно: не верит. Боится. А больше того боится возразить, пойти поперек. С таких женщин художники пишут евреек накануне Исхода из Египта. Оно, конечно, впереди Земля обетованная течет молоком и медом. Да только сперва впереди Чермное¹ море, пустыня и сорок лет хождения от бархана к бархану. Мед еще когда, молоко после дождичка в четверг, а ноги по песку бить прямо сейчас надо.

Дойдем ли до обетованной? Доживем?

¹ *Чермное море* (церк.-слав.) — Красное море. Воды Чермного моря расступились и пропустили Моисея с еврейским народом во время Исхода.

Глава первая

КАК ПРЯМУ ЕХАТИ — ЖИВУ НЕ БЫВАТИ¹

1

«Ужасно! Ужасно! Зачем глаза мои видели это?!»

Губернский город Х встретил Алексеева метелью.
Нет, так нельзя.

Начнем иначе, из затакта.

Занавес уже открылся, но сцена тонет в сумраке и тишине. Никто никуда не приехал, никто никого не встретил. Лишь гроыхают колеса на стыках, потому что театральная тишина выражается не молчанием, а звуками. Если не наполнить тишину звуками, нельзя достичь иллюзии. Стучат колеса, белый луч шарит в пустоте, отыскивая жертву. Время топчется на месте, покашливая в кулак, а пространство наполняется не страхом, но тревогой и ожиданием.

Вот. Так правильно.

* * *

В попутчики Алексееву достался инженер-путеец: вот ведь каламбур! Был он человек пьющий и крайне словоохотливый, что сделало поездку нескучной, но чуточку обременительной. Для себя Алексеев назвал бесконечный монолог путейца на манер литератора Тургенева, подмешав толику баснописца Крылова: «Отцы и дети, или Овцы и щуки». Овцами, как теперь он знал

¹ Надпись на камне. Картина В. Васнецова «Витязь на распутье».

доподлинно, хоть экзамен сдавай, в профессиональном кругу назывались паровозы серии «О». Шуки же, они же паровозы серии «Щ», еще только разрабатывались учеными мужами, но имели богатейшую — «ей-ей, богатейшую! Ну, ваше здоровье!» — перспективу.

— А вы-то, — между делом вспомнил путеец о вежливости. — Вы-то сами, позвольте полюбопытствовать, кто будете?

— Канительщик, — улыбнулся Алексеев.

— Кто-кто?

— Канительщик. Золотое и серебряное шитье.

— Хорошее дело. Прибыльное?

— Как когда.

— Хорошее дело, — повторил путеец, дыша коньячным перегаром. — Мундиры там или ризы епископские... На чем государство держится? Армия и вера, точно вам говорю. Ну, еще железные дороги.

И вернул разговор к возлюбленным паровозам.

За окном косым занавесом валил снег. Мелькали станции и полустанки, черные остовы деревьев, горбатые косогоры. На перронах бабы, замотанные платками поверх вытертых шубеек, торговали нехитрой снедью: пироги с картошкой и луком, жареные куры, соленые огурцы. Носили и самогон. День валился под гору, к вечеру. Белая порóша превращала баб в снеговиков с красными огрызками морковок вместо носа. Смотреть на них было зябко: в поезде топили, но воображение доводило пассажиров, глядевших в окна, до натурального озноба. Алексеев поздравил себя с тем, что чудом или попушением Господним взял билет в «синяк» — вагон первого класса. Окрашенные в синий цвет согласно распоряжению министерства, эти вагоны, несмотря на их дороговизну, заполнялись первыми, билетов всем желающим не хватало. Случалось, графам и тайным советникам доводилось ездить во второклассных «желтках», а то и в «зеленцах» третьего класса — что было, как пи-

сал некий господин, пострадавший от билетной лихорадки, «неудобно, но душевно приятно и поучительно».

Неудобно, подумал Алексеев. И душевно неприятно.

Все складывалось черт знает как с самого начала. Безумная новость, которая сорвала его с места, украла от дел и событий; вынужденная поездка, подарок, обернувшийся подвохом; март, до ужаса похожий на февраль. Лютый, говорят в здешних краях. Вот уж точно что лютый! Обстоятельства сложились в громоздкий кукиш с желтым обгрызленным ногтем, и кукиш этот мерещился Алексееву за каждым углом. Скверная пьеса, а ты, братец, — комический простак, волей драматурга затесавшийся в головоломную авантюру. Чужое, не свойственное тебе амплуа, но занавес открылся, дали свет, и хочешь не хочешь, а играй до самого финала.

Последний раз такое же смущение он испытывал в юности, играя французский водевиль в трех актах. Актер-любитель, Алексеев скрывал от семьи свой *adultère*¹ с театром и едва не упал в обморок при всей почтенной публике, когда, завитой, расфранченный, он вылетел на сцену с огромным букетом наперевес — и увидел в центральной ложе отца, мать и старую гувернантку, нянчившую его с колыбели. После спектакля гувернантка рыдала на груди у матушки: «Никогда, никогда я не думала, что наш Костя, такой чистый молодой человек, способен публично... Ужасно! Ужасно! Зачем глаза мои видели это?!» Отец же, сдержав гнев, огласил приговор: «Если ты непременно хочешь играть на стороне, то создай себе приличный кружок и репертуар. Но только не играй всякую гадость бог знает с кем!»

— Простите, ради бога, — прервал его воспоминания путеец. — Понимаю, что чрезмерно любопытен, но все-таки... Сколько вам лет, милостивый государь?

— Тридцать четыре. А что?

¹ Адюльтер, супружеская измена, неверность (*фр.*).

— Да ничего, просто спросил. Смотрю на вас всю дорогу и, представляете, не могу в толк взять: каких вы лет, а? Так гляну — вроде молодой человек. Эдак гляну: нет, старше. Улыбнетесь, так и вовсе юноша. Задумаетесь, и опять состарились. Освещение шалит, что ли?

— Я рано начал сесть, — объяснил Алексеев. — В сочетании с темными бровями и усами это дает своеобразный эффект.

— Выпить не хотите?

— Нет, спасибо.

— Рюмашечку, а? Для здоровья?

— У меня слабое сердце.

— Врачи рекомендуют! Есть у меня знакомый хирург, так он без графинчика не оперирует...

— Мне не рекомендуют, спасибо. И потом, я не хирург.

— А кто же вы?

— Канительщик.

— Ну да, вы говорили. Запомнил, извиняюсь.

Зря это я, подумал Алексеев. Надо было согласиться. Алкоголь успокаивает нервы.

— Я закурю, если вы не возражаете?

— Разумеется, голубчик! Курите, сколько душе угодно!

Распечатав пачку «Ферезли», Алексеев закурил и начал переключивать тонкие и длинные папиросы из пачки в серебряный портсигар. Этого можно было и не делать, но вид человека, занятого делом, слегка угомонил общительного путейца. В пачке обнаружился листок с предсказанием — этим сейчас баловались многие производители табачных изделий. «Время — ваш союзник, — прочел Алексеев, морщась от дыма. — Лучше отложить принятие важного решения хотя бы на день».

Да, кисло усмехнулся Алексеев. В яблочко.

Он откладывал важное решение со дня на день. Если бы не поездка, свалившаяся как снег на голову, он бы

уже принял это решение, похожее на выбор самоубийцы между пистолетом, ядом и веревкой. Последняя папироса смертника? Табачный дым, хоть всю пачку разом выкури, не успокаивал, а лишь добавлял горечи в сложившуюся ситуацию.

«Конь вздрогнул, и сильнее витязь возмущился, — пелось в известном романсе. — В милый край, в страшный край как стрела пустился...»

С недавних пор Алексеев ощущал себя былинным витязем на распутье трех дорог. Да-да, тем самым, знаменитым, кисти живописца Васнецова. Отдав финальный вариант картины в коллекцию Саввы Мамонтова, промышленника и мецената, близкого друга семьи Алексеевых, Васнецов отметил в письме к критику Стасову: «На камне написано: „Как прямо ехати — живу не бывати — нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному“. Следуемые далее надписи: „направу ехати — женату быти; налеву ехати — богату быти“ — на камне не видны, я их спрятал под мох и стер частью». Алексеев со всей искренностью завидовал простоте живописного подхода к главному вопросу своей жизни, можно сказать, вопросу жизни и смерти. Две надписи из трех стер, и как не бывало! А тут вертись в седле, чеши затылок: «Направу ехати — женату быти. Налеву ехати — богату быти. Как прямо ехати — нет пути ни прохожему, ни проезжему...»

В случае с Алексеевым прямая дорожка, которая «уби-ту быти», означала издевательское «знамениту быти». Фабрики, семья и театр — три коня рвали его на части. Камень, лежащий на треклятом раздорожье, следовало украсить еще одной надписью: «На месте стояти — в дураках быти». Остаться на месте для Алексеева значило продолжать тянуть три лямки сразу — мучаясь, срывая сроки, крутясь белкой в колесе, страдая бессонницей, доводя себя до сердечных приступов и в итоге оставаясь виноватым перед всеми сразу.

Савва Мамонтов говорил Алексееву, что в начальных эскизах картины витязь был повернут к зрителю лицом, а главное, перед ним лежали дороги. В последней версии живописец развернул витязя боком, чтобы не сказаться задом, а дороги, вопреки всякой логике, убрал к чертовой матери — якобы для пущей эмоциональности, чтобы зритель видел: у витязя нет другого выхода, кроме указанного на камне: «Живу не бывати». Камень, глухая степь, череп человеческий и лошадиный, да еще черный ворон в низком вечернем небе.

Как мизансцена — потрясающе.

Как жизненная перспектива — отвратительно.

2

«Вы только не стреляйте!»

Костя Филин в сотый раз глянул на ступеньки банка — так, искоса, краем глаза. Подступал вечер, в мутном, исхлестанном метелью сумраке ничего не разглядел бы и настоящий, лесной филин. Боясь проморгать сигнал, Костя развернулся к банку лицом, и колючий снег мигом втиснулся за воротник кожуха, морозными иглами ожег щеку, набился в ухо и начал, сволочь, подтаивать. В ухе заворочался липкий и холодный слизняк. Костю передернуло, он выругался сквозь зубы, выпростал наружу толстый вязаный шарф и упрятал в него всю нижнюю часть лица. Шарфа хватило и на многострадальное ухо. Ну вот, другое дело, жить можно.

Долго они там еще?

Бокóв¹ у Филина не было, но он поклялся бы, что торчит возле банка уже битый час, хотя на самом деле не прошло и тридцати минут. Зря стою, решил Костя. Уже давно бы управились и водкой грелись. Ветош-

¹ *Бокá* — часы на блатном жаргоне («фене») XIX — начала XX в.

ником¹ больше, ветошником меньше — какая, к черту, разница?

Дверь распахнулась. На ступеньки упал желтый прямоугольник яркого *электрического* света, и в метель шагнул потешный фраерок в мохнатой лисьей шубе, круглых очочках и профессорской шапке «пирожком». Фраерок взмахнул рукой, подзывая извозчика, открыл было рот — и метель с изуверской радостью влепила туда добрую пригоршню снега. Костя сдавленно хмыкнул в кулак: а не разевай хлебало! Фраерок с возмущением отплевался, замахал обеими руками, что твой ветряк. Минута, другая, и рядом остановился извозчик.

На Николаевской площади их хватало.

Едва сани уехали, дверь банка приоткрылась снова. Наружу высунулся Ёкарь. Завертел кудлатой цыганской головой, призывно вскинул могучую ручищу, словно тоже жить не мог без извозчика. Костя отлепился от стены. Ну, сказал он себе, делу время, потехе час. Долго запрягали, быстро поедем.

Паберегис-с-сь!

* * *

С разных сторон к банку уже спешат остальные, ждавшие, как и Филин, отмашки Ёкаря. Один поскользывается, падает, но тут же вскакивает, отряхивает снег с тулупа, ковыляет ко входу. Утка, чистая тебе утка на льду! Хихикая, Костя выцепляет взглядом Гастона, которого втайне зовет Гастритом. Про такую болезнь Филин слышал от студента-медика, лечившего сестру Дуняшу от маяты в желудке. На доктора с дипломом и в очочках, как давешний фраерок, у Кости не было *грóшей*, на Александровскую больницу, что на Тюремной площади (тьфу-тьфу-тьфу, не про нас будь сказано!), — тем более, даром

¹ *Ветошник* — человек, не принадлежащий к преступному миру.

что лазарет для малоимущих. А студент к Дуняше неровно дышал и душу бы сатане продал, лишь бы пошупать девку на законных основаниях. Ох, эти *грóши!* Вечно их нет, когда надо. Родители Филина сгорели при пожаре, когда у Кости еще усы не росли, а Дуняша и вовсе под стол пешком ходила. Бабка загоревала да и померла следом. С тех пор сестра оставалась на попечении брата, готового резать всякого, кто на Дуняшу косо глянет. Девка видная, добрая, хозяйственная, жаль, здоровьем удалась в дохлого воробья: что ни съест, рэзями мается, а то и блюет. Из-за нее Костя и в жиганы пошел, чтобы червонцы рекой. Пойти пошел, только на серьезные дела его не брали, брезговали, дразнили маломерком и дурьей башкой. Один Гастон, добра ему полные руки, сжалился. Теперь заживем! И *грóши* будут, и студент Дуняшу за себя возьмет, в церкви повенчаются, хату на Москалевке поставят, нарожают Филину племянников, старшего Гастоном назовем...

Есть в святцах такое имя — Гастон? Наверняка есть, как не быть...

В присутствии Гастона у Кости без видимой причины сводит живот: Гастрит, натуральный Гастрит! Есть в нем что-то, от чего мурашки по хребту. За версту видно: гастролер. Так Гастрит и не скрывает: из серьезных, не чухня, ясен пень. Дело сто́ящее предложил и ведет себя путем, с уважением...

В овчинном кожане, как и Филин, надвинув шапку-ушанку на брови, Гастон-Гастрит ждет у дверей, пропускает всех внутрь. Нет, не всех: сам входит четвертым. Филин вваливается следом, на ходу достает из кармана нагретый в ладони «Smith & Wesson». Револьвер взяли с убитого фараона — валил околоточного надзирателя не Костя, Костя только купил оружие с рук за тридцатку, и еще патронов на шесть рублей сорок копеек. Револьвер тянет руку, внизу живота возникает предательское верчение — да что ж такое, в самом деле?!

Со злым шелчком Костя взводит курок, и живот отпускает.

— Работаем!

Сапоги гулко топают по ступеням, застеленным бордовой ковровой дорожкой. Оставляя за собой оплывающие кучки снега, налетчики взбегают на второй этаж. Навстречу суется усатый хрен в заношенном, но еще чистом мундире унтер-офицера. Его с ходу прикладывают рукояткой по кумполу, и сторож «уходит в темную», обмякнув в углу.

— Руки вверх! Это налет!

Ёкарь не подвел: в зале нет ветошников, только четверо банковских за стойкой. Подняли руки, шары вылутили — трясутся.

— Ты! — Гастон тычет стволом в ближнюю крысу. — Выгребай деньги.

Бросает на стойку мятый мешок:

— Все выгребай, живо! Сюда кидай.

— Стоять-не-дергаться! Кто пернет — завалю!

Это не Гастон. Это расхристанный чернявый шпендрик с мятым хайлом. Костя его не знает и век бы не знал, ей-богу! Древний «Lefauscheux» с исцарапанным восьмигранным стволом ходит в руках шпендрика ходунном. Того и гляди пальнет почем зря. На кой черт Гастон взял на дело это ракло?!¹

Гастон морщится. Но на словах встает за шпендрика горой:

— Все слышали? Делайте, что вам говорят, и все останутся живы.

Взгляд и ствол упираются в каждого банковского по очереди. Кажется, что Гастон пересчитывает кассиров, замерших в испуге. Ствол останавливается на старшем.

— Открывай сейф.

Грузному дядьке лет под пятьдесят. Он не двигается с места.

¹ *Ракло* — босьяк.

— Жить хочешь?! Гроби деньги лопатой.

У дядьки судорожно дергается кадык. Он силится что-то сказать, но не может. Речь возвращается лишь со второй попытки:

— ...ключи!

— Что — ключи?

— Они в кабинете управляющего.

— Ну так принеси. Он, — Гастрит кивает Косте, — тебя проводит.

Костя кивает в ответ. Держит кассира под прицелом, следует за ним в коридор, начинающийся сбоку от стойки.

— Ты — на шухере у окна. Гляди в оба! — слышит он за спиной распоряжения Гастона. — Ты подгребай сюда бабки. Ты стань у входа, вы двое держите их на мушке...

Грамотно, думает Костя, пока дядька отпирает дверь в кабинет управляющего. Щелкает выключателем, над потолком вспыхивает люстра. В ярком свете, словно мальчишки на летнем берегу реки, нежатся обитые бархатом кресла-пузаны. Шкаф во всю стену, широченный стол с бумагами и банковскими книгами; с краю приткнулась черная штукавина, от нее в угол течет аспидный хвост-провод. Небось, тоже что-то электрическое, лучше не трогать!

— Ключ где?

— Станислав Евграфович в столе держат-с.

— Бери и пошли!

Кассир бочком протискивается мимо стола, дергает ящик.

— Заперто!

— А ну, отзынь.

Держа кассира на мушке, Костя обходит стол.

— Который ящик?

— Верхний.

И правда заперто, не соврал банковский. Куда ему бабки вкручивать: вон, в угол забился, рожа белей известки. Того и гляди в ящик с перепугу сыграет.

— Спокойно, дядя. Стой, не мельтеши. Дыши ровно, я разберусь.

Зря, что ли, Филин фомку в кармане носит? Пригодилась, родимая. Стол на вид солидный, а замок на ящике хилый: крак! — и готово.

— Этот ключ?

— Он самый, не извольте сомне...

— Сейф где?

— Там.

— Где «там»?

— Вы только не стреляйте! В зале сейф.

— Зал где?!

— В кассовом зале! Там, где ваши. Сзади, за перегородкой.

— Веди.

Грóши, думает Костя, топя обратно. Теперь заживем! Студент Дуняшу за себя возьмет, хату на Москалевке поставят... Он прямо видит ее, Дуняшину хату. Беленые стены расписаны васильками, в красном углу — иконы и вышитые рушники. Да, и люстра. Электрическая! Люстра обязательно — в горнице, над столом.

3

«Присягу, должно быть, принимают»

Губернский город Х встретил Алексева метелью.

— Носильщик!

— Здесь, ваше благородие!

— Извольте взять мой саквояж.

— С нашим удовольствием!

Фуражка с кокардой. Смазные сапоги. Брезентовый фартук поверх тулупа. Гулкий нутряной бас. Ухмылка, блеск зубов. Борода раздвоена, как хвост ласточки. Машинально фиксируя в памяти детали колоритного облика, Алексеев глядел, как носильщик подхватывает сак-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Действующие лица (живые и усопшие)	7
Пролог	9
Глава первая. Как пряму ехати — живу не бывати	15
Глава вторая. «Мое имя должно быть в истории»	38
Глава третья. «Только на вас вся надежда!»	62
Глава четвертая. «Вас что-то смущает?»	84
Глава пятая. «Поедем, красотка, кататься!»	110
Глава шестая. «После чьей смерти?»	142
Глава седьмая. «Кого хороним, кому славу поем?!»	165
Глава восьмая. «Артист или мебель?!»	197
Глава девятая. «Режь меня, жги меня!»	224
Глава десятая. «Африканка-разлучница»	250
Пролог (продолжение)	273
Глава одиннадцатая. «Да, Клёст, истинная правда!»	277
Глава двенадцатая. «Что же вы испугались?»	300
Глава тринадцатая. «До ста двадцати?»	323
Глава четырнадцатая. «Прощеное воскресенье»	349
Эпилог	372

Олди Генри Лайон

О 53 Ньюансеры : Вольная фантазия : роман / Генри Лайон Олди. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с.: ил. — (Азбука-фэнтези).

ISBN 978-5-389-16813-8

В город X приезжает известный промышленник и актер-любитель Константин Алексеев. Здесь недавно скончалась старая гадалка Заикина, которая ни с того ни с сего завещала Константину свою квартиру. В день приезда происходит загадочное ограбление банка: убит кассир, убийца с места преступления скрылся. А в завещанной гадалкой квартире Алексеева уже ждут, и с этой минуты ни одна мелочь, ни один нюанс не окажется для него случайностью, пустым совпадением.

Ах да, еще одно добавление: на дворе подходит к концу XIX век.

Новый роман Г. Л. Олди историчен и фантастичен одновременно, насквозь пронизан реалиями времени и вечными проблемами. Маски прирастают к лицам, люди, события, вещи — все выстраивается в единую мизансцену, и если хорошенько поаплодировать после того, как сцену закрывает занавес, — актеры, возможно, выйдут к читателю на поклон.

УДК 821.161.2

ББК 84(4Укр)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
НЮАНСЕРЫ
Вольная фантазия

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректоры Валентина Гончар, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.06.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Авторский интернет-магазин «Мир Олди»: <http://www.oldieworld.com>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-FAF-25298-01-R